

А. В. Щипков

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Парадигмальные основания и истоки глобального нацистского проекта

Аннотация. Статья описывает и характеризует европейский нацизм как незавершённое явление. Утверждается, что нацизм будет существовать до тех пор, пока существует глобальный Запад. Указывается на то, что в российском обществе до сих пор ещё не сформировалась системная концепция фашизма. С точки зрения автора, нацизм представляет собой не «аффективную» реакцию на культуру модерна, как считали участники Франкфуртской школы, но радикальную и наиболее открытую форму самого модерна. Фашизм, по мнению автора, представляет собой родовую идеологию европейского модернистско-просвещенческого проекта. Он считает необходимым отказ от мифа о нацизме как о якобы непредвиденном историческом «срыве» западной демократии. Современная концепция нацизма должна обладать устойчивостью по отношению к нарративам и дискурсам либерализма, чтобы не стать жертвой ложных конструкций, направленных на реабилитацию основных нацистских мифов, подвергшихся определённой лексико-стилистической правке. Представляется необходимым растабуирование темы ответственности Запада за фашизм и колониализм. Именно этот вектор изменений способен вернуть человечество к библейской системе ценностей.

Ключевые слова: Европа, идеология, колониализм, нацизм, протестантизм, расизм, тоталитаризм, фашизм, экономика, язык

Для цитирования: Щипков А. В. Парадигмальные основания и истоки глобального нацистского проекта // Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 30–43. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43

Наша страна имеет уникальный исторический опыт прямого противоборства с фашизмом. Несмотря на это, в российском обществе до сих пор ещё не сформировалась системная концепция данного феномена. Это тем более удивительно, что наша война с фашизмом не окончена, она продолжается и обещает растянуться на десятилетия.

Тем не менее в последнее время в публичном пространстве фиксируются размывания границ и банализация понятий «фашизм» и «нацизм». Поэтому сегодня от российского интеллектуала, напротив, требуется конкретизация и тщательная концептуализация этих понятий.

С социально-политической точки зрения, фашизм — это форма откровенной, не завуалированной либеральными концепциями диктатуры крупного капитала. Эта диктатура стала реакцией элит глобального Запада на наступающий кризис созданной ими «системы модерна».

Важное значение имеет прояснение частичной синонимии понятий «нацизм» и «фашизм»: она представляет собой отношение части и целого. Нацизм является этнически акцентированной формой фашизма, который в свою очередь тождественен расизму; последний же обычно выступает с уточнениями: «социал-», «культур-», «национал-», «этно-» и проч. Данная система терминов, несмотря на расширение понятия «расизм» по сравнению с традицией его употребления в XX веке, является наиболее оптимальной из ныне существующих.

Фашизм опирается не просто на моноидеологию и диктатуру, но на конкретную доктрину. Это доктрина неизбежного и неустранимого неравенства людей, причиной которого объявляются имманентные свойства рас, наций, культур и цивилизаций. Она порождает множественные варианты одного и того же мифа — мифа превосходства одних и неполноценности других («бремя белого человека», «превосходство арийцев», англо-американские «демократические стандарты» под видом общечеловеческих и др.). Мнимая неполноценность обычно выражается в расовой нечистоте либо в культурной ущербности, якобы свойственные низшим группам и сообществам, таким как «носители азиатских генов»,

«иудобольшевики», «люди с тоталитарным сознанием», «потомственные рабы», «ватники», «ордынцы», «монголоиды», «кацапы», «орки» и т. п. Яркий пример этой мифологии — Нюрнбергские расовые законы, принятые в Германии при Гитлере. Таким образом, ключевой принцип нацизма и расизма — это градация «человеческого материала»: якобы есть настоящие люди, а есть лишь подобные им существа (недолюди).

Прямым продолжением этого принципа является идея благополучия «полноценных» за счёт «неполноценных», идеи европейской исключительности, социальной евгеники и «конфликта менталитетов» (так определяет украинский МИД конфликт с РФ). Заказ на социальную евгенику, а точнее селекцию, выполняется с помощью таких институтов, как, например, ювенальная юстиция, направленная против социально «ущербных» групп.

Важнейшая черта нацизма — это технократизм, в частности, порождающий дегуманизацию — расчеловечивание человека, воспринимаемого как разумная и говорящая машина, и сводящий гуманистическую личность к абстрактному индивиду, а ценностно ориентированную культуру — к техногенной и релятивистски ориентированной цивилизации. Технократическая тенденция прошла путь от нацистской евгеники и концлагеря до технологий трансгуманизма и формирования поведенческих паттернов с помощью искусственного интеллекта и цифровых платформ. Тем самым оправдывается известный тезис Мартина Хайдеггера о религии смерти, связанной со скачком технического развития.

Таким образом, нацизм представляет собой не «аффективную» реакцию на культуру модерна, как полагали участники Франкфуртской школы, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, но радикальную и наиболее открытую форму самого модерна.

Для выработки адекватного описания данного явления необходим отказ от мифа о нацизме как о якобы непредвиденном историческом «срыве» западной демократии. Процессы 1930–1940-х годов были отнюдь не срывом, но естественным этапом развития западных модернистских обществ.

Другой миф, сложившийся в первые послевоенные десятилетия, описывал нацизм как «травматический опыт» Европы. Этот тезис столь же эмоционален, сколь и некорректен. Так называемое изживание «европейской травмы», как и «денацификация Германии», — процесс пропагандистско-публицистического, но отнюдь не исторического порядка.

Понять и принять это сегодня психологически проще, чем в XX веке, как и тот самоочевидный факт, что Россия при всём желании не могла бы «освободить Европу от фашизма», поскольку невозможно освободить Европу от неё самой.

Фашизм — это родовая идеология европейского модернистско-просвещенческого проекта, который, вопреки многим декларациям и теоретическим абстракциям, осуществлялся не равномерно, но одними за счёт других. Иначе говоря, существовали субъекты и объекты модернизации, центры накопления капитала и «доноры», которым отводилась роль расходного материала прогресса в его западном либеральном понимании.

Так, например, Россия выступила вассалом Антанты в качестве антигерманского тарана, затем стала «жизненным пространством» для Германии, стремившейся компенсировать опоздание к разделу мира и кабальные условия Версаля. Наконец, весь бывший СССР выступил как ресурс для поддержания на плаву глобалистской мировой модели на протяжении более чем 20 лет: если бы не поражение СССР в холодной войне, нынешний мировой кризис разразился бы ещё в конце 1990-х.

Не выдерживает критики и популярная на Западе эмоциональная формула «никогда больше», используемая в отношении нацизма. «Никогда больше» автоматически подразумевает и модальность «никогда прежде». Таким образом, в сознании общества блокируется допущение существования фашизма до гитлеризма.

Данный факт очень примечателен; он указывает на то, что западное общество по-прежнему не заинтересовано в серьёзном историческом анализе такого явления, как фашизм. Но после фашистского ренессанса, особенно ярко проявившегося в Восточной Европе в 1990–2020-е, такой анализ объективно неизбежен. Он даёт надежду на то, что цикл воспроизводства фашистских социокультурных моделей когда-нибудь будет прерван.

Тем не менее процесс реабилитации нацизма идёт на Западе несколько десятилетий подряд.

Важнейшим инструментом этой реабилитации стало включение в систему описания нацизма нерелевантных понятий и терминов — например, понятия «тоталитаризм», описывающего социальные явления совершенно иного уровня, нежели расизм и нацизм, и имеющего с точки зрения профессионального историка размытые границы, то есть понятия скорее идеологического, чем применимого в исторических исследованиях.

Синхронно с чествованием в СССР «демократической антифашистской коалиции» на Западе укреплялась риторика, связанная с идеей противостояния демократий Запада двум видам «тоталитарного» зла. Эта идея ярко представлена в трудах Карла Поппера («Открытое общество и его враги»), Ханны Арендт («Истоки тоталитаризма»), Фридриха Августа фон Хайека («Дорога к рабству»), а затем и в широкой политической публицистике.

Резонансный «спор историков», имевший место в 1980-е в Германии, чётко обозначил реваншистский вектор новой политики, подразумевающей, в частности, «нормализацию немецкой истории» и непризнание вины за военное нападение на СССР. Таким образом, из нарративов, связанных с войной, среди прочего, изымались понятия «агрессор» и «жертва», а вместе с ними понятие вины и исторической ответственности стран фашистского блока. Апрогрейд идеологии на Западе заключался также и в том, чтобы расшатать сформированную в массовом сознании связь понятий «нацизм», «расизм» и «фашизм», расцепить их, а затем вывести из-под зонтика этих понятий современные аналоги обозначаемых ими явлений, прежде всего — атлантизм.

Реабилитация нацизма резко ускорилась в 1990-е годы, поскольку конкурент западной мысли в виде советской историографии к этому времени перестал существовать.

Постсоветский период отмечен господством либерализма как якобы единственной просвещённой и «зрелой» идеологии. Между тем именно либеральная мысль, подготавливая новое восхождение нацизма, неуклонно сдвигала и сужала контекст его рассмотрения, подменяла критерии и нормы его описания.

Устойчивым стереотипом, созданным либеральной мыслью ещё в XX веке, стало восприятие нацизма как явления географически (Германия) и исторически (1930–1940-е годы) локального. Данный взгляд является таким же проявлением редукционизма, как и стремление изъять из русской истории советский период — главную с либеральной точки зрения социальную и политико-экономическую «аномалию» всех времён и народов.

Между тем в Великой Отечественной войне в лагере противников СССР находилась помимо Германии значительная часть европейских стран, признавших в тот момент гитлеровский проект объединённой Европы допустимым и даже необходимым в имеющихся исторических обстоятельствах. Среди негерманских участников войны со стороны нашего противника кроме общеизвестных венгерских, румынских и итальянских

частей и подразделений можно отметить французскую 33-ю пехотную дивизию СС «Шарлемань», названную так в честь Карла Великого — первого объединителя Европы. Стоит отметить и бывшую 4-ю австрийскую дивизию, ставшую к началу войны 45-й пехотной дивизией вермахта и штурмовавшую Брестскую крепость. Никак нельзя сбрасывать со счетов и роль Чехословацкой Республики, которая была важнейшим сборочным цехом немецкой оборонки в годы войны.

Единство «коричневого интернационала» наблюдается и в сегодняшних трактовках Великой Отечественной войны. Например, преподающий в Принстоне профессор Стивен Коткин откровенно настаивает на том, что Великая Отечественная была проиграна СССР. Маркером для него является вывод из Германии советских войск, напоминающий отступление наполеоновской армии. Такая трактовка обретает смысл в том случае, если выигравшей стороной считать не Германию, а Евроатлантику и Запад в целом, рассматривая Германию как его часть. Высказываемая позиция свидетельствует также о том, что «союзнические» отношения, в которые наивно верили советские пропагандисты, являются фикцией для самих «союзников».

Нацизм воспринимается Стивеном Коткиным как общее дело Запада. Возникает впечатление, что англичане, американцы и французы сражались на стороне вермахта, и хотя формально это не так, с точки зрения системной, а не буквалистской, логики никакой ошибки здесь нет. Этот идейный и духовный альянс гораздо более фундаментален, чем ситуативные и временные блоковые разделения, и гитлеристская специфика, с точки зрения сегодняшнего дня, лишь поверхностный эффект на «теле» западного проекта. Роль «третьего рейха» после Гитлера фактически перешла к бывшим союзникам СССР, что и определило логику холодной войны, и XXI век увидел радикализацию этого сценария, вплоть до нового этапа Отечественной войны с нацизмом (СВО).

Вполне естественным и закономерным выглядит и то, что сегодня «коричневый интернационал» принимает участие в боевых действиях в рамках СВО на стороне нашего противника. Это участие включает в себя планирование операций ВСУ, обслуживание техники специалистами НАТО, целенаведение и предоставление разведанных, а также участие в военных действиях отдельных натовских спецподразделений и штурмовых групп. Таким образом, сегодня мы наблюдаем историческое продолжение незавершённых и по определению не способных завершиться событий восьмидесятилетней давности.

Безусловно, нацизм представляет собой явление отнюдь не антикварного характера. Его важнейшая черта — принципиальная историческая незавершённость. Сегодня нацизм переживает расцвет, мимикрируя в соответствии с законами информационной эпохи, варьируя свои нарративы, а также меняя идеологические маски: достаточно вспомнить поддержку европейскими «левыми» украинского нацизма и общеевропейской ревизии исторических трактовок Второй мировой войны.

Важной чертой нацизма является общая аксиология и общий политический вектор, объединяющие его с либерализмом. Если несколько десятилетий назад считалось, что нацизм сходит с исторической сцены, а коммунизм успешно соперничает с либеральным мейнстримом, то сегодня ситуация иная. Левая мысль растворилась в либеральном дискурсе, а фашизм проявляет себя как базовое основание либеральной мысли, пусть открыто и не декларируемое.

Аксиологическое и геополитическое тождество либеральной и нацистской мысли ярко проявилось уже в 1990-е и 2000-е годы. Период после 2014 года (майдан, дерусификация, военный геноцид) оказался в этом решающим экспериментом: было совершенно очевидно, что современных украинских нацистов привели к власти западные и отечественные либералы.

Современный либерализм представляет собой концептуальный защитный пояс для исходных положений фашистской мысли. Он блокирует нарративы, «опасные» для ядра идеологической системы, вбрасывая в поле идеологии встречные нарративы, маскирующие и выводящие из рассмотрения базовую семантику явления. Например, такими контрнарративами являются идея «бинарного» тоталитаризма и антисоциализма у Ханны Арендт и Карла Поппера или идеология BLM (Black Lives Matter), которая использует идейную матрицу белого расизма для конструирования расизма антибелого.

При этом либеральная, расистская и нацистская мысль объединены единой ценностной базой — социал-дарвинистским взглядом на общество (поддержка законов животного мира в человеческом обществе) с неизбежно порождаемой идеей тотальной конкуренции индивидов, рас, наций. Всему этому классическая левая мысль в XIX–XX веках противопоставляла свой вариант дарвинизма в виде борьбы классов.

Вместе с тем общие принципы либерально-фашистской идеологической парадигмы связаны с принесением сакральных жертв общечеловеческой «мировой цивилизации», а на самом деле — цивилизации

западно-протестантской. Этот мифоритуальный комплекс так или иначе реализуется в практиках «изобретения дикаря», при этом обладая контекстуальной вариативностью. Так, сегодня сакральная жертва либерализма и фашизма — это субъекты с якобы «тоталитарным мышлением» и «архаичными политическими институтами».

Впрочем, ещё вполне либеральный по своим взглядам классик социологии Макс Вебер считал русских угрозой европейской культуре. Не без его участия в рамках пангерманизма кайзеровского периода создавались концепции колонизации «восточных территорий» и расширения «жизненного пространства» Германии — за счёт территорий России, чей этнический состав уже в то время предполагалось изменить.

Но современное западное общество равнодушно к историзму, некогда отвергнутому вместе с классической левой мыслью (не путать с современным левoliberalным трендом). Зато в актуальном публичном поле фашистское мышление использует мощный защитный пояс, состоящий из нарративов мультикультурализма, толерантности и социального конструктивизма. В конструктивистском понимании идеи глобального мира без устойчивых культурных, конфессиональных и национальных субъектов — сверхактуальны, они объявляются требованием времени и признаком «открытых обществ».

При этом практикуется принцип избирательности. Например, нацистская идея «одной страны — одного языка — одной нации» допускается для Украины, но в то же время Русский мир, не претендующий на такого рода моноформат, но и не готовый раствориться в «глобальном мире», объявляется неонтологичным субъектом, всего лишь тоталитарной «идеологией» и «пропагандистским нарративом».

Другой пример — якобы антирасистская идеология сообщества BLM, составляющего уличную ударную силу американских демоглобалистов. При ближайшем рассмотрении идеология BLM проявляет как раз признаки неорасистского подхода. На этот раз уже антибелого, развёрнутого с помощью левой риторики, и вместе с тем демонстрирующего правую дискриминирующую идею, выстроенную в логике «*only black lives matter*», то есть *только* чёрные жизни важны, но ни в коем случае не белые.

Первостепенное значение имеет изучение исторических истоков современных форм нацизма и расизма в целом.

Важнейшим из таких истоков являются практики европейского колониализма, совершенствовавшиеся в течение нескольких столетий. Уже раннее Средневековье было отмечено симптомами «римской болезни»

европейских правящих групп, предполагавших развитие цивилизаторской миссии Запада в планетарном масштабе, захват и подчинение мировых окраин, создание системы мирового разделения труда и контроль над ней.

Христианская катехизация мира в связи с этим была переосмыслена как колонизация, что в конечном счёте привело к декларированию «бремени белого человека» (не только у Редьярда Киплинга). Так выглядела и выглядит сегодня самолегитимация западного мессианизма, основа его идентичности. Любой невестернизируемый субъект, выпадающий из системы глобального мира, в рамках европейского мышления сразу превращается в серьёзную проблему, которая решается посредством назначения сакральной жертвы, приносимой на алтарь технократической цивилизации. Эта концептуальная рамка задаёт когнитивную модель колониализма и, в частности, нацизма XX и XXI веков.

Гитлеровский нацизм обладает очевидной преемственностью по отношению как к колониальному мировоззрению, так и к тесно связанным с ними военно-политическим и экономическим практикам. Де факто гитлеровский режим просто перенёс в пределы Европы колониальные практики (а также их идейное оправдание), которые на протяжении веков применялись европейцами лишь на окраинах мира. Этот перенос повлёк за собой адаптацию старых расистских концепций под задачи «третьего рейха» в новых исторических обстоятельствах.

Примечательно, что колониализм нового, нацистского образца существовал параллельно с его классическими формами. Так, например, одновременно с НСДАП Германии действовал британский союз фашистов Освальда Мосли (1932) в Англии. В одно и то же время с «оптимизацией трудовых ресурсов» в немецких концлагерях британские власти спланировали и организовали голод в Бенгалии (1943), количество жертв при этом достигло трёх миллионов человек.

Сегодня политика этнического геноцида в ряде случаев заменяется инструментами геноцида культурного, в частности релятивизацией традиционных моделей идентичности.

Эдвард Саид в известной книге «Ориентализм» связывает данные практики с «имперским дискурсом, исторически обращённым не к народам Востока, а всё тому же Западу. Для России 1990-х в рамках аналогичного дискурса создавался образ «молодой постсоветской демократии», на деле являвшейся либеральной автократией, подчинившей власти глобальных институтов финансовую, политико-экономическую и социальную систему России.

Важно отметить также религиозные и культурно-исторические истоки нацизма.

Нацизм тесно связан с традицией протестантизма. В формировании нацизма сыграли огромную роль паттерны, связанные с протестантской этикой, а также с августинианско-кальвинистской доктриной «двойного предопределения», то есть деления на «избранных» и «неизбранных» к спасению — как если бы Господь умер на Кресте не за всех, но в целях создания расы «избранных» ещё при их жизни. Проекция данной доктрины в секулярное пространство^{1,2} становится оправданием «бремени» цивилизатора (от «белого человека» до экспорта «демократии под ключ») и глобальной зависимости. Из неё вытекают принципы социально-экономической и политической модели глобального мира, в частности система мирового разделения труда.

При этом субститутотом Божественного выступает либеральный идеал цивилизации, субститутотом Промысла — Прогресс, образ и подобие редуцируются к условному «индивиду» постгуманизма, а «враг рода человеческого» получает геополитическую манифестацию в виде «варвара у ворот» (русские, сербы, китайцы, ислам и т. д.).

Фактически протестантский фундаментализм остаётся основой западного модерна, хотя и выступает при этом в секулярном формате.

Также представляется очевидным тот факт, что и расизм XIX века, и гитлеризм XX, и атлантизм XXI имеют и конкретные национальные — британские корни. Особую роль в этом генезисе играет пуританство XVII века, в рамках которого сложился британский комплекс исключительности, очень напоминающий кальвинистскую доктрину «избранности к спасению».

Закономерным следствием идеологии всегда является и особый тип экономики.

В перечень черт нацистской и фашистской экономики входит и сверхрационализация с элементами рабовладения (труд заключённых концлагерей и насильственно перемещённых «остов»), и особая роль промышленных и финансовых монополий, в частности спонсировавших НСДАП, и эмиссионная накачка экономики с безудержным ростом госдолга: всё это предполагалось нейтрализовать с помощью военных побед и новых территорий. В последнем случае бросается в глаза очевидное сходство финансово-экономических подходов рейхсминистра экономики Ялмара Шахта (при Гитлере) и современных неолиберальных доктрин.

¹ Щипков В. А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов. М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2019.

² Щипков В. А. Генеалогия секулярного дискурса. М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2024.

Отдельной, недостаточно исследованной проблемой является языковая парадигма нацизма и фашизма. Здесь можно отметить переход от доминирования расово-этнической темы и темы «культурного вырождения» (1930–1940-е) к принципам сегрегации народов на основе «глобализма стандартов», расщепление образа «Другого», то есть деление на приемлемого и неприемлемого Другого, на тех, кто разделяет западные «цивилизационные ценности», и тех, кто представляет «угрозу» для них и является источником недопустимых дискурсов. Таким образом, имеет место трёхэлементная модель вместо гитлеровской двухэлементной («мы» и «они», благородные европейцы и «гунны»). При этом в нацистских и расистских концепциях прослеживается смена четырёх идеологических модальностей: плюрализм, нигилизм, собственно нацизм и, наконец, распад наци-дискурса: назначение виновных и сокрытие реальных диспетчеров процесса в рамках «денацификации» и преодоления социальной «травматизации» с позиций фиктивного гуманизма. Этот цикл склонен к серийному повторению.

Нацизм — незавершённое явление. Он будет существовать до тех пор, пока существует глобальный Запад, и России придётся вести с ним войну за собственное выживание. Тщательная концептуализация явления в такой ситуации является важным условием победы — и наоборот: без этого невозможно выиграть войну. Как показывает уже накопленный опыт, непонимание истоков явления снижает сопротивляемость общества по отношению к нему. Пользуясь этим незнанием, киевский режим при поддержке США, Британии и НАТО после 2014 года уничтожил сотни тысяч русских с украинскими и русскими паспортами.

Современная концепция нацизма должна обладать устойчивостью по отношению к нарративам и дискурсам либерализма, чтобы не стать жертвой эвристических конструкций, направленных на реабилитацию основных нацистских мифов, подвергшихся определённой лексико-стилистической «правке».

При этом новая теоретизация будет учитывать не только опыт поколения победителей 1940-х, но и опыт следующих поколений, для представителей которых очевидна узость трактовок нацизма, применявшихся в XX веке.

Представляется необходимым растабуирование темы ответственности Запада за фашизм и колониализм, признание статуса жертв за

пострадавшими народами. Открыто говорить о Талергофе, Терезине, об украинских фильтрационных лагерях и европейских секретных тюрьмах в западном публичном поле до сих пор не принято, и эта ситуация должна быть кардинально изменена.

Именно этот вектор изменений способен вернуть человечество к библейской системе ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Адамова Н. Э. Идеи «исключительности» в представлениях английских пуритан и сепаратистов накануне эмиграции в Новую Англию (первая треть XVII в.) : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 — СПб. : Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015. — 251 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 416 с.

Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. — М. : Логос, 2003. — 528 с.

Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. — М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. — 224 с.

Щипков А. В. Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. — СПб. : Алетей, 2015. — 80 с.

Щипков А. В. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления: монография — М. : РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. — 134 с.

Щипкова Л. В. Лингвистический нацизм. — Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 136–155.

Сведения об авторе:

Александр Владимирович Щипков — политический философ, доктор политических наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова; профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 127051, Москва, Крапивенский пер., 4, info@shchipkov.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 15.02.2025.

A. V. Shchipkov

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

Paradigmatic Foundations and Origins of the Global Nazi Project

Abstract. This article describes and characterizes European Nazism as an unfinished historical phenomenon. It argues that Nazism will persist as long as the concept of the global West exists. The author points out that Russian society still has not developed a coherent and systematic concept of fascism. From the author's perspective, Nazism does not represent an "affective" reaction to the culture of modernity, as theorists of the Frankfurt School argued, but rather constitutes the most radical and overt manifestation of modernity itself. According to the author, fascism is the generative ideology of the European modernist enlightenment project. He considers it necessary to reject the myth of Nazism as an allegedly unforeseen historical "breakdown" within Western democracy. A contemporary concept of Nazism must be resilient to liberal narratives and discourses, in order to avoid reproducing false constructs aimed at rehabilitating the core Nazi myths under altered linguistic and stylistic forms. The author emphasizes the need to lift the taboo surrounding the West's responsibility for fascism and colonialism. This critical reorientation is essential for returning humanity to a Biblical system of values.

Keywords: Europe, ideology, colonialism, Nazism, Protestantism, racism, totalitarianism, fascism, economy, language

For citation: Shchipkov, A. V. (2025). Paradigmatic Foundations and Origins of the Global Nazi Project. *Orthodoxia*, (1), 30–43. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43

REFERENCES:

Adamova, N. E. (2015). *Idei "isklyuchitel'nosti" v predstavleniyah anglijskih puritan i separatistov nakanune emigracii v Novuyu Angliyu (pervaya tret' XVII v.)* [Ideas of exceptionalism shared by English Puritans and Separatists on the eve of migration to New England (the early 17th century)] [Dissertation, Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg Institute of History of the RAS]. Saint Petersburg. [In Russian].

Benedict, A. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow : Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. [In Russian].

Nolte, E. (2003). *Evropejskaya grazhdanskaya vojna (1917–1945). Nacional-socializm i bol'shevizm* [The European Civil War 1917–1945. National Socialism and Bolshevism]. Moscow : Logos. [In Russian].

Horkheimer, M. (2011). *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma*. [Eclipse of Reason]. Moscow : Canon +. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2015). *Tradicionalizm, liberalizm i neonacizm v prostanstve aktual'noj politiki* [Traditionalism, Liberalism and Neo-Nazism in the Current Political Space]. Saint Petersburg : Aleteya. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2024). *Nezavershyonnyj nacizm. Genezis, transformacii i rodstvennye yavleniya: monografiya* [Unfinished Nazism. Genesis, Transformations and Related Phenomena : Monograph]. Moscow : Russian Orthodox University of St. John the Evangelist.

Shchipkova, L. V. (2025). *Lingvisticheskij nacizm* [Linguistic Nazism]. *Orthodoxia*, 16(1), 136–155. [In Russian].

About the author:

Alexander Vladimirovich Shchipkov — Doctor of Political Sciences, Rector of Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, info@shchipkov.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 15.02.2025.